

Б. П. ГОРОДЕЦКИИ

**К ИСТОРИИ СТАТЬИ ПУШКИНА „НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИЗИНЦЕ
г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМ“**

История литературных взаимоотношений между Пушкиным и Булгариным до сих пор не может считаться изученной во всех ее деталях, несмотря на наличие довольно большого количества работ на эту тему и более или менее устоявшихся точек зрения по этому вопросу. В плане постановки и разрешения общей проблемы о политической роли Булгарина в его борьбе против Пушкина большое значение имеет известная статья Г. О. Винокура „Кто был цензором «Бориса Годунова»?“¹ Эта работа, хотя и исследует частный вопрос о роли Булгарина в цензурной истории „Бориса Годунова“, но, несомненно, имеет и гораздо более широкое значение. Что же касается до общих специальных работ по интересующему нас вопросу, то из довольно большого числа исследований, посвященных этой теме, можно назвать лишь две работы последнего времени, специально исследующие вопрос о взаимоотношениях между Пушкиным и Булгариным: „Пушкин и «Северная Пчела»“ П. Н. Столянского (1914 г.)² и „Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг.“ В. В. Гиппиуса (1941 г.)³ Ценность этих работ далеко не одинакова. Несмотря на указания самого П. Н. Столянского о тщательности и полноте проделанной им работы и кажущегося обилия собранного им материала, из поля зрения автора все же выпало чрезвычайно большое количество моментов, имеющих непосредственное и самое прямое отношение к Пушкину, но до такой степени тщательно завуалированных, что обнаружение их возможно лишь при условии гораздо более, чем это имело место в работе П. Н. Столянского, пристального внимания не только к так называемым „мелочам“, но и к статьям, казалось бы, не имеющим, на первый взгляд, никакого отношения к Пушкину.

Указанная неполнота приводит к неверным выводам, которые делает автор в результате своего исследования: „Вывод, к которому мы пришли после долгого, тщательного рассмотрения собранного нами материала — пишет П. Н. Столянский — будет следующий: общераспространенное мнение, что «Северная Пчела» вела систематический поход против Пушкина, является образчиком одного из тех печальных недоразумений, которые твердо укоренились в нашей литературе и обоснованы на недостаточно тщательном изучении источников. «Северная Пчела», как орган печати, наоборот являлась страстной защитницей Пушкина и популяризовала поэта в широких слоях читающей публики задолго до появления Белинского“.⁴

Совершенно иного характера содержательное исследование В. В. Гиппиуса, ограничившего себя рамками 1830—1831 гг. С присущей ему тщательностью литературоведческого анализа, В. В. Гиппиус обследовал в своей работе большое количество нового, незамеченного ранее ни П. Н. Столянским, ни другими исследователями, материала, показывающего всю остроту и политическую подоплеку той борьбы, какую вел Булгарин с Пушкиным в период „Литературной Газеты“.

Однако, выступления, нападки и выпады Булгарина в „Северной Пчеле“ против Пушкина были гораздо более многочисленными, чем это кажется с первого взгляда. Не все они попали в поле зрения и В. В. Гиппиуса. Приведем несколько примеров, которые покажут — до какой степени повседневной, систематической и планомерной была травля Пушкина со стороны Булгарина, не упускавшего для своих выступлений против Пушкина буквально ни одного слова.

Как известно, в № 16 „Сына Отечества“, вышедшем 19 апреля 1830 г., Пушкин издательски был назван Р я п у ш к и н ы м. Это тотчас же было подхвачено „Северным Меркурием“, который в № 52 от 30 апреля 1830 г. перекрестил Пушкина в Емель-

¹ Временник Пушкинской комиссии, т. I, 1936, стр. 203—214.

² Пушкин и его современники, вып. XIX — XX, 1914., стр. 117—190.

³ Временник Пушкинской комиссии, т. 6, 1941 г. стр. 235—255.

⁴ Там же, стр. 189—190.

яна Корюшкина. Однако, оказывается, что тон всему этому задал Булгарин. В № 5 „Северной Пчелы“ (11 января 1830 г.) читаем: „Г. Сомову не нравится, что автор Выжигина дал многим лицам своего Романа характерические навиания: Граблина, Виргутина и проч. . . , а что было бы, если б Автор Выжигина, представляя какого-нибудь писаку, назвал его, например, Г. Сомовым? Тщетно Автор Выжигина стал бы отговариваться, что он взял это название от рыбы сома; ему не поверили бы и стали бы упрекать в личности. То же самое было бы, если б назвать героев Романа Щукиным, Карасевым, Ряпушкиным и Плотвинным, ибо вероятно все эти прозвиания существуют. . . “¹

Первого февраля 1830 г. в № 14 „Северной Пчелы“ напечатана рецензия на только-что вышедшую „Общую риторику“ Н. Кошанского. В рецензии говорится: „Н. Ф. Кошанский преподавал Риторику по рукописи сей книги в классах Царско-Сельского Лицея, из которого вышло в соразмерности более отличных Литераторов и достойных гражданских чиновников, нежели из какого-либо другого учебного заведения в России. Древо познается по плодам.“² В свете известного доноса Булгарина о „лицейском духе“ приведенная оценка как „древя“, так и „плодов“ его воспринимается далеко не как комплимент.

В № 30 „Северной Пчелы“ от 11 марта 1830 г. был, как известно, напечатан злостный пасквиль на Пушкина (анекдот о Гофмане), носивший характер политического доноса („бросает рифмами во все священное. . . , а тешком ползает у ног сильных, чтобы позволили ему нарядиться в шитый кафтан“). Этот пасквиль достаточно прокомментирован в ряде работ. Но в том же номере „Северной Пчелы“ содержится еще одна интересная статья, обобщенная исследователями: „Нравы. Светская известность“. В этой статье приводится любопытный разговор дядюшки с племянником, который „имеет страсть к авторству“ и желает стать писателем. В конце этого разговора дядюшка восклицает: „У меня есть знаменитые Писатели, которые страдают желтухой от честолюбия. . . “

До какой степени изощренной была выработанная Булгариным техника всякого рода пасквилей, показывает такое, например, выступление „Северной Пчелы“ по вопросу о цене отдельных глав „Евгения Онегина“.

Известную заметку Пушкина о цене „Евгения Онегина“ исследователи обычно связывали с замечаниями „Северной Пчелы“ середины 1830 г. В. В. Гиппиус в названной выше статье указывает, что заметка Пушкина вызвана не выпадом „Северной Пчелы“, а выступлением по этому вопросу „Северного Меркурия“ в № 60 от 19 мая 1830 г. и, что „Северная Пчела“ лишь повторил это «милое обвинение». Однако, на самом деле, пальма первенства и на этот раз принадлежит Булгарину, так как еще в самом начале апреля 1830 г. „Северная Пчела“ в очень тонко завуалированной форме обвиняла Пушкина уже не просто в дорогой цене его книг, но в прямом корыстолюбии. Вот как это было преподнесено.

Третьего апреля 1830 г. в № 40 „Северной Пчелы“ в отделе „Смесь“ печатается пересказ помещенного в № 17 „Литературной Газеты“ анекдота о Лабрюере: „Добрый Лабрюер, не будучи еще знаменитым, подарил рукопись книгопродавцу Мишею, сказав: «Не знаю, не потерпите ли вы убытка; но если будет успех, то все вырученное отдаю в приданое *маленькой моей приятельнице*», т. е. дочери книгопродавца. . . Он сперва замаялся, а потом решился напечатать, более из уважения к Лабрюеру, нежели из надежды прибыли“. „Дело сделано: — читаем далее — успех превзошел ожидания. Несколько изданий принесли книгопродавцу более 100 000 франков чистой прибыли. Книгопродавец предложил часть прибыли Автору, но он отказался. Издатели Литературной Газеты, рассказав анекдот, присовокупили следующее, весьма поучительное замечание: «Редкий пример бескорыстия, доказывающий, что Литература в душах возвышенных есть именно *цель*, а не *средство*“.

И тут же, без всякого перехода, как это делается в „Смеси“ — с нового абзаца — В известии о новой книге: Евгений Онегин, глава VII (см. Сев. Пчелу № 35 и 39), мы, противу обыкновения, не выставили цены сего сочинения. Спешим поправить ошибку. VII глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 копеек. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12 долю, 15 печатных листов стоят без пересылки 35 рублей. . . “

Острота намека, усугубленная ссылкой на „малую 12 долю“ листа, становится особенно очевидной при сопоставлении с окончанием анекдота о Лабрюере: „Редкий пример бескорыстия, доказывающий, что Литература в душах возвышенных есть именно *цель*, а не *средство*“.

См. объявление о выходе „Дмитрия Самозванца“ в № 21 „Северной Пчелы“ от 18 февраля 1830 г.: „Подписная цена на книгу сию назначена была по 15 р., с пересылкою по 17 р. экземпляр. Предполагалось, что она состоять будет из 60 листов, а вышло более семидесяти. Сие неожиданное увеличение издержек понудило издателя ее (А. Ф. Смирдина) возвысить цену остальных экземпляров: отныне Роман сей продается

¹ Выделено мною, — Б. Г.

² Выделено мною, — Б. Г.

по 20 р. и с пересылакою. Цена сия не покажется высокою, если обратить внимание... на нынешнюю цену всех Русских и иностранных книг, которые, в соразмерности, продаются гораздо дороже сего Романа". Ср. с этим извещение о выходе и цене VII-й главы „Евгения Онегина“: „...Глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 копеек. Все прочие вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12 долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей...“

Непосредственно с ценой отдельных глав „Евгения Онегина“ связана и напечатанная 9 июля 1831 г. в № 151 „Северной Пчелы“, рецензия на пасквильную книжку некоего Ивелева: „Новые книш. Московские Минеральные воды. Повесть в стихах. Сочинение Ивелева. Глава первая (Консиллиум). М. в тип. Н. Степанова. 1831, в 8 д. л. 54 стр. В длинном посвящении будущей своей невесте... Г. Ивелев (имя вымышленное) рассказывает, что он узнал новый способ получать хороший доход с своего сочинения. «Однажды, утомившись от стихов и прозы, говорит он, и кинувшись в постель, по прочтении весьма теплым молитвм, подслушанной мною у некоторых авторов, я видел сон, конечно не без цели каким-то благим духом ко мне ниспосланный. Я перенесен был в огромный храм. По стоящим на сторонах изображениям девяти Муз, и по неугасимому огню пред изваянием лучезарного Бога, держащего перед собою лиру, я признал оный за храм Аполлонов. Какой-то небольшого роста с живыми глазами человек, в котором, по некоторым известным признакам, узнала я тотчас поэта, стоял у жертвенника. Одной рукою придерживал он какой-то лист бумаги, положенный на небольшую наковальню, на которой во всю ее поверхность была вычеканена буква Я; другую держал он в положении человека, готовящегося нанести удар. Из пяти его пальцев выходили длинные, прекрасно белые ногти. Вокруг стояла толпа народа с разинутыми ртами. По временам этот небольшого роста человек ударял изо всей силы по листу, который мгновенно превращался от того в довольно странную, какой-то сомнительной, но впрочем приятной физиономии главу с бесчисленными отпечатками в разных отаивах буквы, находящейся на наковальне; и каждая из сих глав, выскакивая одна за другою под разноцветными колпачками, хватала с удивительною ловкостью из каждого рта по синенькой ассигнации. Спohватившись, я увидел, что и у меня несколько синичек повместело, как впрочем я рта не закрывал; заметив же в углу чрезвычайный запас листов, я так испугался, что проснулся в ту минуту...“¹

Для того, чтобы у читателя не оставалось никакого сомнения в том, что речь идет именно о Пушкине, автор выдерживает даже портретное сходство („небольшого роста с живыми глазами человек...“) с упоминанием таких подробностей как знаменитые пушкинские длинные ногти. Точно названа также и цена отдельных глав „Онегина“: синенькая ассигнация, „синичка“, т. е. пять рублей.

Приведенные примеры можно было бы умножить.

К этому периоду неприкрытой травли Пушкина, происходившей на фоне развертывавшейся ожесточенной борьбы между грече-булгаринскими журналами — „Сын Отечества“ и „Северная Пчела“ — с одной стороны, и „Литературной Газетой“ и вклучившимися в эту полемику Надеждинским „Телескопом“, с другой стороны, и относятся знаменитые статьи Феофилакта Косичкина: „Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов“ и „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем“.

Общую оценку этих статей Пушкина, в плане его борьбы с Булгариним, можно считать установленной и не вызывающей сомнений: „Пушкин, благодаря своему «эзоповскому» языку, добился того, что Булгарин и Видок были окончательно отождествлены в печати“.²

Однако, в своих деталях, эти две пушкинские статьи еще нуждаются в дополнительном обследовании, в особенности вторая из них, и В. В. Гишпиус был совершенно прав, отметив, что „вторая статья Косичкина — „Несколько слов о мизинце Булгарина“ — прокомментирована до сих пор недостаточно, а частично — ошибочно“.³

Вскрыв и исправив одну из таких ошибок, В. В. Гишпиус далее пишет: „Существеннее, однако, другое: нераскрытым до сих пор оставалось загагие главы XVIII и последней «Настоящего Выжигина» — «Мышь в сыре.» Между тем финальный характер этого заголовка заставляет предполагать в ней особый цародийный смысл“.⁴

Поскольку В. В. Гишпиус не располагая в этом случае точными данными, выдвинул все же догадку о происхождении и смысле этого нераскрытого заголовка, а также, поскольку обнаруженные нами факты о происхождении и источнике этого заголовка, дают возможность для некоторых дополнительных суждений и выводов, позволим себе привести здесь в общих чертах аргументацию В. В. Гишпиуса.

„Заголовок «Мышь в сыре» — пишет В. В. Гишпиус — несомненно отсылает читателя к басне Дмитриева «Мышь, удалившаяся от света»... Смысл этой аналогии на первый

¹ Выделено мною, — Б. Г.

² Временник Пушкинской комиссии, т. 6, 1941, стр. 251.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 252.

взгляд кажется почти безобидным: Выжигин-Булгарин... уподобляется дмитриевской «благочестивой мышью», разжиревшей в работе над своей келейкой, выскобленной в голландском сыре... Можно видеть в этом намеки на внешний вид Булгарина... Любопытно, что сам Булгарин в своих частных письмах изображал себя «удалившимся от света» и благодеющим... Возможно, что подобные заявления Булгарин делал не в одной дружеской переписке и что до Пушкина они дошли. Но пародийность указания на «Мышь в сыре» этим не ограничивается; необходимо учесть и дальнейший текст басни.

Однажды пред нее явилось, вздыхая,
Посольство от ее любезных землячков;
Оно идет просить защиты от дворов
Противу кощевья народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крымopolис их в осаде уж держал.

Но мышья отказывается помочь своим землячкам, обещая только молиться за них. Вряд ли можно сомневаться, что «Мышь в сыре» намекает не на одно ожирение Булгарина, а на поведение Булгарина во время польского восстания... общая позиция Булгарина во время восстания была всем хорошо известна... И уж несомненно известны были Пушкину статьи «Северной Пчелы», изображающие восстание как дело рук «бешеных демагогов», которые «в точном смысле слова бросаются на людей, чтоб укусить»... Как известно, во время польского восстания Пушкин не был на стороне восставших. Но и отрицая восстание, Пушкин видел в нем исторически значительное национальное движение... Это был для него «спор славян между собою», спор исторической важности. Но только презрением отвечает он на переметничество Булгарина¹.

Оставляя пока открытым вопрос о правомерности предположения об использовании Пушкиным польских событий 1830—1831 гг. и поведения Булгарина в этот период, как средства его моральной дискредитации (о политической дискредитации Булгарина, основываясь на особенностях его поведения во время польского восстания, говорить, по меньшей мере, странно), обратимся к фактам. Задача настоящей работы — путем привлечения некоторых, оставшихся до сих пор не замеченными, материалов, — осветить отдельные моменты истории второй статьи Феофилакта Косичкина „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем“.

Прежде всего следует напомнить, что фактами из биографии Булгарина, на основе которых построено „Содержание“ „Настоящего Выжигина“, Пушкин располагал уже давно, еще до поездки своей в Болдино. Извещая в мае 1830 г. П. А. Плетнева о разрешении напечатать „Бориса Годунова“ и о проекте задуманного предисловия к нему, Пушкин писал: „Руки чешутся, хочется раздвинуть Булгарина <...> Знаешь ли что? У меня есть презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со времени можно будет написать это“¹.

Первая статья Феофилакта Косичкина „Торжество дружбы, или оправданный Александр Андимович Орлов“, которой Пушкин включился в журнальную полемику, появилась в № 13 „Телеграфа“ (ценз. разр. 2 августа 1831 г.), вышедшем в свет между 25 августа и 3 сентября 1831 г. В ней Пушкин еще не использовал своих убийственных материалов о Булгарине. Это и понятно. Наиболее резкие клеветнические выступления Булгарина и его политические доносы на Пушкина относятся к прошлому, 1830 г., и на них Пушкин уже ответил своими эпиграммами и заключительной строфой „Моей родословной“. Первая статья Косичкина касалась, главным образом, общих вопросов литературной политики, и не являлась прямым ответом Пушкина на какое-либо конкретное выступление Булгарина против него. Для статьи такого характера материалы, имевшиеся в распоряжении Пушкина, были бы слышком „тяжелой артиллерией“. Он их оставлял на случай крайней необходимости. Такая необходимость, как мы увидим, вскоре и возникла.

Как известно, на соответствующее место статьи Н. И. Греча в № 27 „Сына Отечества“ за 1831 г., которым Пушкин воспользовался для заглавия своей второй статьи, обратил его внимание П. А. Вяземский, уже после того, как Пушкин написал свою первую статью, вызванную именно этим выступлением Греча. Вяземский писал Пушкину 27 июля 1831 г.: „Кинь это в Литературную Газету“:

В конце длинной статьи, написанной в защиту и в оправдание Булгарина, критикованного Телеграфом, г-н Греч говорит (Сын Отечества №): Я решил на сие не для того, чтоб оправдывать и защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов). — Жаль же, сказал один читатель, что Булгарин не одним мизинцем пишет.

А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять...²

¹ Пушкин и н. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. 14, 1941, стр. 89.

² Там же, стр. 199.

В связи с осложнениями, постигшими „Литературную Газету“ летом 1831 г., Пушкин не смог „кинуть“ на ее страницы присланного Вяземским материала о мизинце Булгарина и так же, как и свой материал, оставил для использования в нужный момент: „Литературная Газета что-то замолкла; — отвечал он Вяземскому 3 августа 1831 г. — конечно Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о Мизинце Булгарина не пропадет; обещаю тебя насмешить; но нам покамест не до смеха: ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руси“.¹ Пушкин был прав: в данный момент ему было не до журнальной полемики. Развертывавшиеся события большого политического значения заслоняли от него на время более мелкие события литературно-журнальной жизни. Сообщив Вяземскому в том же письме о том, что „... бунт Старо-Русской еще не прекращен <...> четверили одного генерала, зарывали живых и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников...“, Пушкин замечает: „Плохо, Ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы“. И действительно, письма его этого периода полны отзвуками больших событий как международной, так и внутренней жизни России. Он пишет Вяземскому 14 августа: „Если заварится общая, европейская война, то право буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока“.

В этот период петербургские и московские журналы и газеты из-за карантина сильно задерживались доставкой в Царское Село и Пушкин получал всякого рода литературные известия с большим запозданием: „В Сарском Селе — пишет он Вяземскому 3 августа 1831 г. — покамест нет ни бунтов, ни холеры; русские журналы до нас не доходят, иностранные получаем, и жизнь у нас очень сносная“. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что с журналами и газетами, выходившими в Петербурге в течение августа месяца, Пушкин мог познакомиться лишь в сентябре. Весь август и первую неделю сентября Пушкин безвыездно прожил в Царском Селе, но 9 сентября, по свидетельству Павлышева, Пушкин посетил Петербург.² Несмотря на кратковременность пребывания его там,³ он, вне всякого сомнения, вошел в курс литературных событий истекшего месяца и, во всяком случае, перелистал и бегло просмотрел журналы и газеты, вышедшие в августе, в том числе и „Северную Пчелу“. Этого было достаточно для того, чтобы, тотчас же по возвращении в Царское Село, Пушкин немедленно же на первом попавшемся клочке бумаги (на обороте письма П. А. Плетнева от 5 сентября 1831 г.) набросал первый отрывок черновика своей второй статьи Феофилакта Косичкина, в которой он счел необходимым использовать и имевшиеся у него для нужного случая „презаванные материалы для романа: Фадей Выжигин“, хранившимся у него уже более года, и материалы о „Мизинце Булгарина“, полученные от Вяземского более месяца назад.

Что же произошло? Очевидно, случилось что-то из ряда вон выходящее, что заставило Пушкина отойти от занимавших его в этот период больших трагедий жизни и обратить внимание вновь на „собачью комедию нашей литературы“. По традиции принято думать, что стимулом для второй статьи Феофилакта Косичкина явился № 201 „Северной Пчелы“ от 8 сентября 1831 г.⁴, содержащий рецензию на роман И. Гурьянова о „Новом Выжигине на Макарьевской ярмарке“, в которой имя А. А. Орлова упоминается с эпитетом „блаженный“. Суждение это основано на показании самого Пушкина в этой его статье о мизинце Булгарина. Напомним соответствующее место: „Признаюсь: после статьи,⁵ в которой так торжественно оправдал и защитил я А. А. Орлова <...> не ожидал я, чтоб *Северная Пчела* возобновила свои нападения на благородного друга моего <...> Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умоляю доколе на принужду к совершенному бесомыслию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительного *Сына Отечества*, издевающегося над нашей древнею Москвою. *Северная Пчела* (№ 101), объявляя о выходе нового Выжигина, говорит: «Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего *блаженного г. А. Орлова*, знаменитого автора...“ И далее Пушкин особенно внимание уделяет эпитету „блаженный“, придавая ему какое-то особенно важное значение: „*Блаженный г. Орлов*... Что значит *блаженный Орлов*? О! конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога: то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!!“

Особенно надежит обратить внимание на следующие многозначительные слова Пушкина, смысл которых вообще до сих пор не раскрыт комментаторами: „Если же слово *блаженный* употреблено в смысле, коего здесь изъяснять не стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные,

¹ Там же, стр. 204.

² Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, 1910 стр. 251.

³ 11 сентября Пушкин уже пишет из Царского Села письмо П. А. Осиповой.

⁴ В статье Пушкина ошибочно назван № 101.

⁵ Первая статья Ф. Косичкина „Торжество дружбы...“

и которые даже не могут извинять непрямичия мысли остроумием или веселостью оборота".

Для того, чтобы понять смысл всех этих намеков и умолчаний Пушкина и его раздражения, вызванного необычным эпитетом „блаженный“ в применении к А. А. Орлову, надлежит обратиться к напечатанной в № 201 „Северной Пчелы“ от 8 сентября 1831 года рецензии, которая вызвала такое негодование Пушкина. В связи с важностью вопроса, позволим себе привести из этой рецензии все, что имеет отношение к делу:

„Новые книги. Новый Выжигин на Макарьевской ярмарке, или не любю не слушай, другим не мешай. Нравоописательный Роман XIX века, Сочинение Иваном Гурьяновым. С эпитафюм: поляком, где низко, — тишком, где склизко. Москва в тип. Решетникова 1831, в 12 д. л. 136 стр. (Цена сей книги 4 р.)... Признаемся откровенно, что мы с некоторым предубеждением принялись за книгу Г. Гурьянова: заглавие его Романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего блаженного г. Александра Орлова, знаменитого Автора: Детей Выжигина, Крестного отца Петра Ивановича Выжигина, Родословной Ивана Выжигина, Смерть Ивана Выжигина, Цереминияля погребения И. Выжигина и проч. и проч.

Притом же всякое произведение Московской Литературы, носящее на себе печать издания книгопродавцев пятнадцатого класса, т. е. напечатанное на дурной бумаге и с грубыми опечатками, приводит нас в невольный трепет. Но чем далее читали мы, тем более убеждались, что мы приятным образом обманулись. В Романе Г. Гурьянова нет этих сцен, вымышленных и притянутых, бог знает как, для произведения театрального эффекта; но заметно притязаний на глубокие познания в Истории и Археологии, притязаний, выказывающих одно невежество Автора; но зато в нем видны: знание нравов некоторого класса общества, именно низшего купечества, язык большею частью правильный и совершенно приличный степени образования и положению говорящих лиц; есть характеры, хорошо обрисованные, хотя недостаточно развитые, чего впрочем не позволяла сама краткость Романа Г. Гурьянова. Чтобы показать читателям нашим и слог Автора, и то, как живо изображает он некоторые картины, мы выписываем из его книги несколько мест“. Далее следует несколько выписок. Рецензия кончается так: „Смело советуем читателям нашим, не пугаясь неопытности этой книги, пробежать ее вполне: мы уверены, что они поблагодарят нас за благой совет. А. О.“

Что дает нам эта рецензия для понимания и объяснения того раздражения, какое она вызвала у Пушкина? Во всей рецензии нет ничего, что могло бы вызвать такое сильное раздражение Пушкина. Имя А. А. Орлова упомянуто в рецензии только один раз, а эпитет „блаженный“ настолько необычен и темен, что для того, чтобы понять, почему он вызвал такой варварский негодования у Пушкина, необходимо предположить, что существуют какие-то факты, пока еще неизвестные нам, на которые намекнул Булгарин своим эпитетом. Эти факты, как мы увидим, действительно существовали. Кроме того следует отметить одно исключительно важное обстоятельство, а именно то, что Пушкин никогда не переводил литературной полемики в личный план без достаточных к тому оснований со стороны противника, никогда не касался личности противника, не будучи к тому вызван им самим. Так, его знаменитые эпитафюмы о Видоке-Фиглярине были ответом на булгаринский пасквиль о шкипере и бутылке рома. В данном же случае, рецензия „Северной Пчелы“ совершенно не касается личности самого Пушкина, ни прямо, ни косвенно, между тем как ответ Пушкина прямо имеет в виду личность самого Булгарина и его политическую физиономию („Видок или маску долой“). Этот аргумент решающего значения позволяет сделать следующий важный вывод: вторая статья Косычкина о мизинце Булгарина вызвана была не рецензией в № 201 „Северной Пчелы“ от 8 сентября 1831 г., а другим, несравненно более важным для Пушкина материалом, в котором прямо затрагивался он сам и не только как литератор, но и как человек. Данная же рецензия, появившаяся в „Северной Пчеле“ накануне приезда Пушкина в Петербург (он приезжал 9 сентября), явилась лишь удобным предлогом, подходящей к случаю точкой приложения, иными словами, — полемизируя по виду с этой рецензией, Пушкин, в действительности, имел в виду совершенно другие факты, которые и заставили его дать столь сокрушительный отпор Булгарину.

С ними Пушкин познакомился в этот свой приезд в Петербург и только они дают исчерпывающее объяснение тому негодованию, которое привело Пушкина к давно откладывавшемуся до подходящего случая решению — сорвать маску с Булгарина.

Обратимся к фактам. В то время как Пушкин в Царском Селе был фактически изолирован от Петербурга и текущей журнальной жизни, Булгарин не терял времени даром.

В № 183 „Северной Пчелы“ от 18 августа 1831 г. в отделе „Юмористика“ начинает печататься большая статья Булгарина „Похвальное слово безграмотным“, растянущаяся на несколько номеров (№ 183 от 18 августа, № 184 от 19 августа, № 189 от 25 августа и № 190 от 26 августа). Принадлежность этой статьи Булгарину, а также источник „Мыши в сыре“ и, следовательно, явная и непосредственная связь ее со статьей Косычкина „О мизинце Булгарина“, устанавливаются следующей сноской, помещенной внизу страницы:

„Статья сия сообщена стариком Архимом Фаддеевичем, который некогда помещал статейки своего сочинения в Сев. Пчеле, Сев. Архиве и Литер. Листках, но наскучив

литературными сплетнями, пристрастными суждениями полуграмотных судей Литературы и различными кознями, порождаемым завистью, удалился от света в пустыню, *как мышь в голландский сыр* (см. Басно И. И. Дмитриева) и отказался от всякого участия в Русской Литературе. Архип Фаддеевич пишет, что статью сию он нашел на большой дороге, возвращаясь с поля, после посева *трещихи. Изд.*¹

Эта статья Булгарина наполнена самыми дикими выходками и злобными выпадами как против самого Пушкина, так и против Надеждина, журналов „Атеней“, „Телескопа“, „Молвы“ и проч. Вот полное заглавие этой статьи: „Похвальное слово безграмотным, читающим Студентом безграмотности в Ахинее (Атенее тож), на острове Мадагаскаре, и посвященное Кандидату безграмотности и бессмыслицы Вышнего Училища в земле Кафров и Гогентотов, неподалеку от мыса, называемого Мысом Доброй Надежды (которая однако же не исполнялась, ибо надежда и обманчивость родные сестры), Издателью Журналов Микроскопа² и Сплетней,³ и проч. и проч.“³

Приведем в самых общих чертах содержание этой длинной и очень прозрачно завуалированной статьи. В № 183 от 18 августа 1831 г. содержится „Часть первая“, которая начинается предварительными рассуждениями „Студента безграмотности“ о том, что, поскольку природа разделена на „три царства: царство животных, царство произрастаний и царство ископаемых“, постольку „я так же вознамерился разделить... род человеческий на три царства: грамотное, полуграмотное и безграмотное“⁴, причем „самое меньшее есть царство грамотных“, число же безграмотных — наибольшее. „А как я слышал от кума моего, судьи, что во всех делах спокойнее и безопаснее соглашаться с большинством голосов, то и в нынешнем случае примыкаю к большинству, и намерен доказать вам, что самое блаженное состояние в жизни есть безграмотность, что безграмотные в миллион раз лучше, нежели полуграмотные, и что грамотные гораздо несчастнее и полуграмотных и безграмотных...“

„Часть вторая“ статьи напечатана в № 184 от 19 августа 1831 г. Она наполнена выпадами против самого Пушкина, его наружности и привычек, против его соратников по „Литературной Газете“ и „Телескопу“, зачислему, вкупе с Пушкиным, в царство „полуграмотных“ и воскрешает опять клевету на Пушкина по поводу его, якобы „искательства“ у богатых и знатных. В довершение всего объявляется, что под именем „умного человека“ (т. е. „грамотного“) разумеется „человек честный“, таким образом, вся категория „полуграмотных“ заподозривается в отношении честности. Совсем „безграмотные“, в данном случае в счет не идут, ибо, как увидим далее, их функция — подвергаться „стрижке“ со стороны „полуграмотных“, причем „грамотные“ (в том числе, конечно, и сам Булгарин), всячески стараются оберечь царство „безграмотных“ от корыстных посягательств на их счет со стороны „полуграмотных“ (всп. „Синички“, которые с таким искусством выхватываются Повтом „небольшого роста с живыми глазами“ из раскрытых ртов удивленной толпы). „Умные люди“ (т. е. „грамотные“) являются, в то же время и добрыми людьми, тогда как „полуграмотные“ отличаются своей злобой. Вторая часть статьи наполнена воплями по поводу „злых“, которые „почитают умных людей [т. е. самого Булгарина в их числе] волками, которых позволено истреблять во всякое время года“. Приведем наиболее характерные выдержки из этой части статьи:

„Представьте себе, любезные слушатели, положение человека умного, веселого, словоохотливого, и притом зрячего, которого бы заперли на всю жизнь с слепыми и глухонемыми... Слепые толкают его, и, спотыкаясь сами, сваливают на зрячего... Глухонемые визжат ему в уши, делают гримасы [всп.: „Это маленькое зубастое и когтистое животное, не человек, а обезьяна!“ — „Предок и потомки“. Булгарин, к. с. с., т. XII, 1830], перебирают пальцами [всп.: „из пяти его пальцев выходили длинные, прекрасно белые ногти“ — „Моск. Минер. водм“; см. рецензию в „Сев. Пчеле“, № 151, 9 июля 1831 г.] и сердятся, что он их не понимает... Замечено... искони веков [неосомненно, что в это выражение „искони веков“ вложен какой-то особый смысл, так как оно в этой второй части повторяется на двух страницах семь раз и каждый раз выделяется курсивом], что глупые люди почитают ум заразю, а злые никак не хотят верить, чтоб человек, одаренный умом, не употребил его на дурное, при удобном случае... Замечено, искони веков, что лучшее средство погубить человека, которого опасаются, есть клевета, облечения в одежду сплетней... Замечено, искони веков, что как бы честно и благородно ни вел себя умный человек, это нисколько не поможет ему... ибо, хотя никто не увидит его дурных поступков, но каждый услышит клевету, выдуманную злыми... Замечено, искони веков, что глупцы беспрестанно просят у тех, которые могут давать, а злые ищут, притворяясь добрыми... Вы, любезные слушатели, вероятно знаете пословицу: На всякого мудреца довольно простоты: я вам растолкую, от чего произошла сия пословица. Умные люди не просят и не ищут, думая, что их станут отыскивать, и вот ошибка, породив-

¹ Т. е. „Телескопа“.

² Т. е. „Молвы“.

³ Выделено мною, — Б. Г.

⁴ Выделено мною, — Б. Г.

шая знаменитую поговорку! Не каждому такое счастье, как петуху в басне Езоповой, чтоб не искать найти жемчужное зерно в навозной куче, и человек, который в состоянии давать, если б вместо очков вздел на нос два телескопа Фраунгофера, во сто крат лучше дерптского [всп.: "... что Фадей Венедиктович живет в своей деревне близ Дерпта... — "Торжество дружбы..."], то, скорее бы увидел какого-нибудь ротозея на луне... чем бы открыл умного человека на земле, в непроницаемой толпе просителей и искателей... Замечено, искони веков, что глупцы и злые не терпят правды, как чорт кадила [всп.: "... Да, он будет весел до тех пор, пока вы станете хватить его вирши, а чуть намекнете, что не хороши, так и укусит" — "Предок и Потомки". Булгарин, п. с. с., т. XII, 1830].

... Замечено, искони веков, что умный человек, если он беден, лучше согласится есть черный хлеб с квасом, чем лизать блюдо у глупого богача, а если он сам богат, то не станет кормить и поить ни гордых голышей, ни знатных обжор, ни шутов, ни плутов [всп.: "... вопят противу всего... а на деле живут прах ног каждого сильного, из одной надежды получить что-либо, и ради обеда прославляют в посланиях блистательных шутов" — "Предок и потомки". Булгарин, п. с. с., т. XII, 1830]. Любезные слушатели! Вы должны знать, что под именем умного человека, я разумею человека честного, ибо умный человек... не захочет быть плутом... и т. д.

Вторая часть статьи заканчивается многозначительно:

"(Продолжение или окончание, как вздумается, т. е. ad libitum — впрдь.)"

Это вызывающее окончание ("Как вздумается") имеет явный характер угрозы и, более чем вероятно, что в тон этому Пушкин закончил свою статью аналогичной угрозой: "... Он <роман> поступит в печать или останется в рукописи, смотря по обстоятельствам".

Предложение второй части печаталось в № 189 от 25 августа 1831 г. Сказав, в качестве вступления, о том, что "Все бедствия... были всегда приписываемы грамотным, людским полуграмотными и безграмотными, от Ноева потопа до появления холеры в Европе! [т. е. точно указав, что события, о которых он говорит, относятся к сегодняшнему дню], Булгарин далее пишет: "Но я должен обратиться к моей ученой теме, и доказать все блаженство полуграмотных и безграмотных... Грамотный, перебрав все науки... сознается, что он ничего не знает, что тайна природы непостижима и совершенство в искусстве недостижимо!... Взгляните же теперь на полуграмотных, и порадитесь, с каким торжеством они провозглашают, что они все знают, постигли все тайны природы, и дошли до высочайшей степени совершенства в искусстве! Какой-нибудь семинарист... затвердив правило, блаженно верующие, и дав ему свой толк, верует, что он чудо и надежда своего века [всп.: "... нельзя запретить судить о Поэте современном, ибо знаменитость его может быть оправдана потомством, но может быть и отринута" — Рецензия Булгарина на "Разговор" о "Борисе Годунове". Сев. Пчела, № 167, 28 июля 1831], вопит как иступленный противу грамотных [всп.: "Они сами не знают, чего хотят и что делают! Вопят противу всего, в чаду винного упоения..." — "Предок и потомки". Булгарин, п. с. с., т. XII, 1830], швыряет в них ковычками и ижицами, и счастлив, воображая, что он выше грамотных [ср.: "... бросает рифмами во все священное, чванится перед чернью вольнодумством..." — Сев. Пчела, 11 марта 1830] какой-нибудь поклонник Бахуса, увенчав чело свое гирляндою из хмеля и капусты, воображает себе, что он уенчанный исполнитель и вестник Олимпа и, бросая косые взгляды на грамотных, терзает грамоту, и блажен, когда трактирный слуга в балахоне, указывая за него пальцем, говорит в полголоса квартальному надзирателю: что это ученый!" [всп.: "... Винные пары и угар от самолюбия перевернули мозг в их голове, и тщеславие заглушило все другие чувствования" — "Предок и потомки". Булгарин, п. с. с., т. XII, 1830].

Далее Булгарин, несомненно имея в виду самого себя, сравнивает с этим образом "полуграмотного поэта" — образ "грамотного" труженика: "Вот как мало надобно полуграмотному для достижения того наслаждения, которое грамотный приобретает тяжкими трудами и пожертвованием трех четвертей своей жизни! Грамотный знает, что слава и благодарность за труды на общую пользу суть дары потомства... а полуграмотный верит... что для писателя довольно того, чтоб быть известным, а чем — это не его забота.

... Теперь заметьте разницу между грамотными и их противниками. Не только полуграмотные, но даже и безграмотные понимают сочинения грамотных, ... но нынешние грамотные, напротив того, никак не могут найти смысла в прелестной бумаге, ... когда полуграмотные находят в ней не только одинакий смысл, но даже и двойной, как нужно по обстоятельствам".

"Правда, — читаем мы в окончании статьи в № 190 от 26 августа 1831 г. — что полуграмотные и вообще буквочертителы стригут безграмотных, как овец, но грамотные берегут их, как собак, и по крайности не позволяют с них сдирать кожу". Здесь Булгарин явно имеет в виду цену на книги Пушкина и свои.¹

¹ См. стр. 330—331.

Статья заканчивается обращением к Надеждину: „Трижды благословляю тебя, милая безграмотность, и горжусь тем, что имею честь быть студентом сей науки, доставившей другу моему (которому посвящена сия речь), блистательное имя между безграмотными и уважение полуграмотных. Надеюсь... Надежда...“

Но и это еще не все. С № 196 от 2 сентября 1831 г. в „Северной Пчеле“ начинается печататься длинная, растянувшаяся на несколько номеров, безобидная на первый взгляд, статья того же „отшельника Архипа Фаддеевича“ — *Нравы. Письмо копииста Мирона Бульбулькина к издателям, о премудрости и суете мира сего*“.

Прямое и непосредственное отношение этой статьи к текущей журнальной борьбе подчеркивается Булгаринным сноской к первой начальной фразе „Письма“, которое начинается так: „*Блажен иже и скоты милует*“, сказано в Писании. На сем основании смею ласкать себя надеждою, что вы, М. м. Г. г., не откажете мне в моей просьбе о напечатании сего письма в вашей газете“. К этой фразе дается следующая сноска: „На сем основании мы также не гневаемся за глупые критики, и не отвечаем на брани, печатаемые противу нас. *Изд.*“

Повидимому, не случайно, заимствованная из „Ябеды“ Капиниста¹ фамилия „Бульбулькин“ (т. е. любящий выпить) [всп.: „Какой-нибудь поклонник Бахуса, увенчав чело свое гирляндю из хмеля и капусты, воображает себе, что он увенчанный исполнитель и вестник Олимпа...“ — „Похвальное слово безграмотным...“].

Эта статья, как можно думать, так же имеет известное отношение к Пушкину. Может быть, не случайно героем ее выведен „копиист“. Ведь именно никто иной, как Булгарин настойчиво и неоднократно намекал (и очень прозрачно) на творческую самостоятельность Пушкина. Достаточно вспомнить, хотя бы рецензию Булгарина на немецкий перевод „Бориса Годунова“: „Может быть, немецкие критики, вообще люди ученые и начитанные, найдут в Русском произведении некоторые знакомые места; но это не может уронить достоинство целого...“ (Северная Пчела, № 266, 23 ноября 1831).

Копиист Бульбулькин рассказывает о себе, что когда он „укрепился в перо“, то „...возгордился, и уверил себя, что мне не достает только пудры, пуклей, шелкового кафтана и гязетового камзола, чтобы быть знатным, и даже великим человеком! [Всп.: „тишком ползает у ног сильных, чтоб позволили ему нарядиться в шитый кафтан“]. Далее Бульбулькин кается в том, что он „привык искать ошибок в других, а вследствие этого не видел собственных (<...> и я не мог воздержаться от критики. Я стремился к явной ибелли...“ Ср. последующее выступление Булгарина по этому же вопросу периода Пушкинского „Современника“: „Оскорбленное авторское самолюбие никогда не прощает критику — оно платит ему рано или поздно. Отчего „Современник“ преследует Булгарина с таким ожесточением?... Несколько лет тому назад в *Пчеле* говорили издателю *Современника*, что придет горькое время, когда магическое имя любимого поэта сделается обыкновенною фирмою, что ему неприлично вдаваться в мелкие литературные распри и с светлых вершин Геликона спускаться в сумрачные долины критики. Знаменитый поэт не послушался Булгарина, и что же вышло?...“ и т. д. Мы далеки от мысли видеть в этой статье прямой выпад против Пушкина, но отдельные намеки в ней, повидимому, — несомненны.

В статье описывается, как копииста Бульбулькина выгнали из канцелярии и он очутился на улице:

Я... вышел на улицу, и... в несколько скачков очутился в храме Бахуса. Вероятно ни вы, Г. г. Издатели, ни один из ваших подписчиков не бывал в питейном доме... Скромный писец, веледечивый приказный... и даже, прошу извинить меня великодушно, и даже... некоторые грамотей, сиречь Сочинители, из разряда семинаристов и подъячих, не стыдились прежде посещать питейные дома... И я, грешный, решился войти в питейный дом, не иначе однако ж, как по совету Пиит, утверждающих в звучных рифмах [напомним, что эпитет „звучные“ рифмы был наиболее характерным в то время при оценках именно пушкинского стиха], что грусть можно залить вином, как пожар водою. Спасибо им за это! Не одного юношу они заставили заглянуть в бокал, воспевая счастье, хранящееся на дне его!...² Упоминания о дне чаши или бокала, вообще, довольно часты у Пушкина. Такова „Вакхическая песнь“ 1825 г., напечатанная в издании 1826 г. („На звонкое дно В густое вино Заветные кольца бросайте!“). Стихотворение „Истина“ („И, осушив до капли чашу, Увидел Истину на дне“) при жизни Пушкина не печаталось, но могло быть известно и в списках.

Продолжение „Письма“ в № 198 от 4 сентября 1831 г. начинается „отступлением“, в котором, как увидим, Булгарин, прямо предваряя Пушкина в этом отношении, приводит содержание некоего возможного романа:

„Здесь я должен сделать небольшое отступление от моего предмета, и сказать вам, что я слышал однажды от одного Сочинителя, у которого я занимался на дому

¹ За указание на этот источник фамилии „Бульбулькин“ приношу благодарность П. Н. Беркову.

² Северная Пчела, 3 сентября 1831, № 197.

перепискою. «Удивительно», сказал он своему товарищу: «до какой степени мы, Русские, скромны *слухом и глазами!* У нас почитается неблагопристойностью то, что на французском или на немецком языке можно не только печатать, но говорить пред благовоспитанной, пятнадцатилетней девицей, не навлекая на себя упрека в забвении приличий или в нескромности. [Всп. рецензия Надеждина в „Вестнике Европы“ на „Графа Нулина“, где рецензент ужасался, что поэму прочтут и шестнадцатилетние девицы]. Из человеческого тела нам позволено только говорить о лице и об руках. Речь о ногах или ножках уже почитается нескромностью! [Намек на отступления о „ножках“ в „Евгении Онегине“]. Из одежды, нам позволено только упоминать о плаще и жилете! Белье почитается в печатном и разговорном языке, так же как и в тарифе, контрабандою! Не смешно ли это?» [Всп. в „Графе Нулине“: „Шла баба через грязный двор Белье повесить на забор...“]

«Одним словом, — продолжает воображаемый „Сочинитель“ — все наши сочинения от того сухи, безжизненны, бесхарактерны, что мы стараемся поделываться под лад того круга, которого характер есть бесхарактерность, жизнь — цепь приличий, язык — звук, исходящий из головы, а не из сердца. Посмотрел бы я, как гений Шекспира или Шиллера справился с героем нашего времени! Вот вся жизнь его, разделенная на главы или акты: Глава I. Воспитан французом гувернером, или французом содержанием пансиона, и научился танцевать, говорить по-французски, не зная России и не уважать ни старших, ни родителей, если от них нельзя надеяться повышения или денег. Глава II. Записан в службу и служит... кое как! Карты, волокитство, завиральные идеи, болтовство, скука, пресыщение, — одно и то же! Глава III. Путешествие за границу, трактиры, кофейные дома, Пале-рояль, долги, расстроенное здоровье. Глава IV. Женится на богатой невесте, воспитаннице какого-нибудь вельможи, или дочери откупщика, вышедшего в чины, или на бедной, но знатной для связей. Глава V. Повышение в чинах. Гордость, обеды, вечера. Глава VI. Отставка, размолвка с женою. Поездка в вотчины. Глава VII. Опека или комиссия для удовлетворения заимодавцев, смерть...»¹

Эта „разделенная на главы или акты жизнь героя нашего времени“ — имеет, конечно, общий характер, но в некоторых моментах ее можно видеть намеки и на личную биографию Пушкина, напр.: „Воспитан французом гувернером... и научился говорить по-французски, не зная России и не уважать ни старших, ни родителей...“ „Записан в службу и служит... кое как! Карты, волокитство, завиральные идеи“.

Продолжение „Письма“ (№ 227 от 8 октября 1831 г.) и окончание его (№ 228 от 9 октября 1831 г.) уже выходят за хронологические рамки периода замысла, написания и опубликования второй статьи Феофилакта Косичкина и не содержат прямых выпадов против Пушкина. Но и того, что приведено выше, более чем достаточно, чтобы понять — как должен был реагировать на все это Пушкин.

Ознакомившись, как мы уже отметили выше, со всем этим материалом во время своего пребывания в Петербурге 9 сентября, он, тотчас же по возвращении в Царское Село набрасывает на первом попавшемся листке бумаги отрывочные мысли своей будущей статьи.

Статья „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем“ появилась за подписью Феофилакта Косичкина в № 15 „Телескопа“ (Цензурное разрешение от 27 сентября 1831 г.), который вышел в свет в конце сентября — начале октября 1831 г. (между 27 сентября и 4 октября).

Приведенные материалы с достаточной полнотой дают объяснение почти всем темным или спорным местам пушкинской статьи. Становится понятным тот смысл, какой вкладывался Булгариным в эпитет *блаженный*. Этот скрытый смысл был прекрасно понят Пушковым: „Если же слово *блаженный* — писал он — употреблено в смысле, коего здесь изъяснить не стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостию оборота“.²

Становится понятной примененная Пушковым формула угрозы: „смотря по обстоятельству а м“ (ср. булгаринское: „продолжение или окончание, как в здумается...“; всп. также: „...нынешние грамотные... никак не могут найти смысла в прелестной бумаге... когда полуграмотные находят в ней не только одинакий смысл, но даже и двойной, как нужно по обстоятельству а м“).

Становится понятной и выбранная Пушковым форма „содержания“ предполагаемого мнимого романа, равно как и источник названия „Главы XVIII и последней“: „Мышь в сыре“.

Что же касается до предложенного В. В. Гиппиусом толкования этого названия главы „Мышь в сыре“ и правомерности предположения об использовании Пушковым

¹ Выделено мною, — Б. Г.

² Выделено (за исключением слова „блаженный“, выделенного самим Пушковым) мною, — Б. Г.

польских событий 1830—1831 гг. и поведения Булгарина в этот период, в качестве средства моральной дискредитации Булгарина то нам кажется, что такое толкование не может способствовать прояснению такого сложного вопроса как отношение Пушкина к польским событиям 1830—1831 гг. В. В. Гишпиус пишет: «Как известно, во время польского восстания Пушкин не был на стороне восставших. Но и отрицая восстание, Пушкин видел в нем исторически значительное национальное движение, а не простое бесчинства «разъяренной черни и развращенных солдат», как изображались события в написанном Булгариным правительственным сообщении». Необходимо внести ясность в этот вопрос, так как именно в том обстоятельстве, что Пушкин не был на стороне восставших, и проявилась историческая зоркость Пушкина, ибо как раз национального характера это восстание не носило. Вот что писал Энгельс по вопросу о социально-политическом содержании польского восстания 1830 г.: «Чего хотела польская аристократия в 1830 г.? Отстоять приобретенные ею права от посягательства со стороны императора. Она ограничивала восстание той небольшой территорией, которую Венскому конгрессу угодно было назвать Царством Польским; она сдерживала порыв, обнаружившийся в других польских областях; она оставляла неприкосновенным рабство, благодаря которому крестьяне опускаются до положения скота, унижайтельное положение евреев» и далее: «... восстание 1830 г. не было ни национальной революцией..., ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция».¹

В этом отношении характерно то обстоятельство, что те же самые правительства Западной Европы, которые в течение всего последующего после падения Наполеона периода, проводили политику Священного Союза по подавлению национально-освободительных и революционных движений на Западе и Юге Европы, склонны были поддерживать польское восстание 1830 г., рассчитывая, при благоприятном его исходе, на политическое и военное ослабление России. В письме к П. А. Вяземскому 1 июня 1831 г. Пушкин писал, оценивая создавшееся международное положение: «Все это хорошо в поэтическом отношении. Но <...> наша медлительность мучительна <...> Того и гляди, навяжется на нас Европа».

Кроме всего этого, если хоть на минуту допустить, что Пушкин, применяя к Булгарину дмитриевскую басню «Мышь, удалившаяся от света», действительно имел в виду польские события 1830 г., то это допущение немедленно приводит к целому ряду вопиющих несообразностей.

Заглавием «Главы XVIII и последней»: «Мышь в сыре» Пушкин преследовал одну цель: еще более точно, и полно, чем это имело место в эпиграмме, связать понятие Видока уже не с «Фиглярным», а с конкретным Фаддеем Бенедиктовичем Булгариным, живущим в сельском уединении «в своей деревне близ Дерпта» и, якобы, «отказавшимся от всякого участия в Русской литературе». Острота этого в том, что Пушкин указывает точный адрес и имя Булгарина, пользуясь его же собственными словами: «Статья сия сообщена стариком Архиепом Фаддеевичем, который некогда поспедал статейки своего сочинения в Сев. Пчеле, Сев. Архиве и Литер. Листках, но насущал литературными сплетнями, ... удалился от света в пустыню, как мышь в голландский сыр и отказался от всякого участия в Русской литературе».

В заключение следует уточнить и еще одно указание В. В. Гишпиуса о том, что после «Настоящего Выжигина» Булгарин «позволил себе в том же году один только выпад против Пушкина: это — статья о немецком переводе «Бориса Годунова», где показная лезть чередовалась с попытками исподтишка дискредитировать Пушкина литературно и политически».² Указанная В. В. Гишпиусом статья появилась 23 ноября 1831 г. в № 266 «Северной Пчелы». Мы, однако, можем указать еще на два более ранних и несравненно более острых выпада Булгарина против Пушкина, к тому же явившихся непосредственными и прямыми откликами на вторую статью Феофилакта Косичкина.

В № 234 «Северной Пчелы», от 16 октября 1831 г. в отделе «Смесь» был напечатан следующий безобидный с виду «анекдот»:

«Китайцы приучают обезьян щипать листья с чайных дерев. Обезьяны гораздо лучше людей исправляют эту работу; ибо они последние не могут так искусно лазить по сучьям, и собирать листья с верхушек».

Это выступление «Северной Пчелы» не прошло незамеченным. На булгаринский «анекдот» об обезьяне, искусно щиплющей листья обратила внимание московская «Молва», найдя его «приправленным литературною горечью».

На это замечание «Молвы» «Северная Пчела» в № 262 от 18 ноября 1831 г. дала следующее, еще более оскорбительное опровержение:

«Смесь в Журнальная отметка. Под сим заглавием напечатана в № 43 «Молвы» пресмешная статья на «Северную Пчелу»... Посмеиваются над напечатанною в смеси № 234 Пчелы статью, в которой сказано, что в Китае приучают обезьян снимать листья с чайных дерев. Это известие взято из одного заграничного журнала, и отнюдь не приправлено в Пчеле никакою литературною горечью, как утверждают в Молве. Разве

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 264—265.

² Временник Пушкинской Комиссии, т. 6, 1941, стр. 254.

издателям ее неизвестно, что разные животные занимаются делами, за которые, по видимому, мог бы взяться только человек с рассудком? т. е. собаки сидят за вертелом на очаге и т. п.¹ Реальность намека на Пушкина и в анекдоте об обезьяне и в словах о „разных животных“ становится очевидной, если вспомнить окончание главы VIII сочинения Булгарина „Предки и потомки“ (1830 г.): „... Какой это потомок мой? Это маленькое зубастое и когтистое животное, не человек, а обезьяна! <...> Пускай себе она хоть утопнет в вине, ... я знать не хочу!“²

Приведенные нами факты, относящиеся к истории второй статьи Феофилакта Косичкина, вместе с тем являются еще одним веским доказательством глубокой ошибочности утверждения П. Н. Столянского о том, что „если расположить в хронологическую таблицу эпитаграммы, заметки Пушкина о Булгарине и выходки Булгарина о Пушкине, то мы увидим, что последние являются следствием первых. Булгарин сам не бросал перчатки, а только поднимал ее“.³

¹ Выделено мною, — Б. Г.

² Ф. Булгарин. Сочинения, т. XII. 1830, стр. 69.

³ Пушкин и его современники, вып. XIX—XX, 1914, стр. 166—167